

слободах чрез большие рвы и ручьи и по рынку мосты строены и поправляемы, также и набатной караул содержаны быть имеют донные из купечества же, а прочих градских жителей в складчество полиция к тому не принуждает и купечество несет излишние убытки и отягощение». Хлыновские купцы настаивали на равномерной разверстке между всеми жителями города данной повинности: «В постройках же и починения мостов и прочих общих в городе и за городом надобностей всех жителей в помощь купечеству расповеркою денежных сборов принудить». В отличие от этих городов Екатеринбургская полиция принадлежала к горному ведомству, поэтому конфликты между нею и Екатеринбургской ратушей приобретали облик межведомственных конфликтов, что, вероятно, не способствовало их разрастанию (всегда имелась возможность конфликт на уровне ратуша—полиция конвертировать в конфликт на уровне вышестоящих инстанций).

Наконец, в-четвертых, следует особо подчеркнуть определенную выгоду для органов городского самоуправления Екатеринбурга специфики их позиционирования в общей системе управления. Ресурсом Екатеринбургской ратуши при отстаивании собственных целей была более широкая, чем у большинства российских городов, возможность противопоставления различных ведомств и игры на их противоречиях (магистратские институты VS горное ведомство, губернские институты VS горное ведомство); большим был диапазон институтов, к которым можно было апеллировать, защищая свои интересы.

ТЕРЕХОВ В.С. (Екатеринбург)

УРАЛЬСКАЯ ТЕХНОКРАТИЯ В 1930-Е ГОДЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Одной из наиболее ярких тенденций развития исторической науки последнего времени является пристальное внимание исследователей к методологии. Нельзя сказать, что методологическая проблематика поставлена во главу угла, но интерес к ней очевиден. Подобное положение вряд ли можно назвать случайным. Российские историки слишком долго находились в своеобразном методологическом вакууме, чтобы не обращать внимание на фактическое отсутствие методологической основы процесса исследования. При чем речь в данном случае не идет о том, что историческая наука перестала обладать некоей универсальной методологической базой, наподобие марксистской концепции. Создается впечатление, что историческая наука в прин-

ципе утратила какую-либо методологию концептуального уровня. Зачастую методологические основания исследования лишь декларируются, превращаясь либо в достаточно эклектичное сочетание наиболее очевидных методологических подходов, либо в тривиальный набор исследовательских методов, в ряде случаев даже не структурированных рамками теоретико-методологической оболочки. В подобном виде методология уже с трудом может быть представлена как фундамент, а воспринимается скорее как условное, хотя и обязательное, приложение, что особенно характерно для конкретно-исторических исследований, где принципиально-первичным оказывается эмпирический уровень.

Стоит отметить, что в последние десять-пятнадцать лет произошли определенные изменения в процессе решения проблем методологии, причем в дискуссионном поле можно увидеть некоторое смещение акцентов. Сейчас тезис о замене марксистской методологии другой подобной глобально-универсальной, но идеологически нейтральной концепцией воспринимается несколько архаично. Отечественная историческая наука уже, кажется, переболела и другим кризисным симптомом – методологическим «плюрализмом», часто воспринимавшимся как отрицание методологии. Концептуальные и всеохватные дискуссии о превосходстве формационного или цивилизационного подходов, линейности и нелинейности в историческом развитии сменились более детальным и, быть может, менее захватывающим анализом особенностей различных методологических моделей и их связей с терминологическим аппаратом, интерпретационными схемами, фактологической базой. В настоящий момент становится ясно, что простая замена методологического названия не приведет к изменению характера исследования и не создаст основы для новых результатов. Требуется обновить инструментарий, понятийный аппарат и дефиниции, создать систему, в которой историсофия перестала бы играть роль бесполезного украшения, а естественным образом вплеталась бы в ткань конкретно-исторического исследования, обогащалась бы фактологией.

Все вышесказанное в полной мере может быть отнесено к историческим аспектам проблемы технократии. Различные методологические основания, множество принципиально различающихся толкований, разноуровневая эмоциональная нагрузка, определенное несоответствие терминов «технократия», «технократизм», «технократическое мышление» привели к тому, что проблема технократии, как особого социального слоя, с трудом находит отражение в исторической науке, став своего рода привилегией философских и социологических исследований. Историки часто не видят в исследуемом историческом пространстве те объекты, которые результируются филосо-

фами и социологами. Действительно, технократия в совокупности предлагаемых социологией социальных черт и функций с трудом может быть локализована в конкретно-историческом поле, так как мы имеем дело с научной абстракцией, смоделированной в рамках определенной социальной стратификации. Для превращения данной абстракции в объект исторического исследования совершенно недостаточно механически экстраполировать выявленные социально-философским анализом свойства на конкретные группы людей. Необходимо интегрировать полученные социальные качества в социальную историю, учитывая при этом темпоральную и региональную специфику.

Современная социология предлагает тройное толкование термина «технократия»: как теоретическую концепцию власти, как соответствующий политический режим, как реально существующую прослойку технических специалистов. Нас, главным образом, будет интересовать социальный аспект технократической проблемы. Технократическая традиция в общем виде включает в себя широкий спектр взглядов в диапазоне от технологического детерминизма и формирования структур технической рациональности до элитарных концепций (технократия – интеллектуальная или властвующая элита) и психосоциальных стереотипов (антитехницизм, технофобия). В рамках данной традиции находят отражение самые различные социально-философские модели: теории постиндустриального и информационного обществ, технологическая конвергенция, концепции «революции менеджеров» и «нового класса», тоталитаризм.

Такое внимание к технократической проблеме со стороны разных направлений общественнознания объясняется техногенным характером человеческой цивилизации, основным свойством которой является «...быстрое изменение техники и технологий благодаря систематическому применению в производстве научных знаний». Рефлексия по поводу влияния техники на жизнь человека и общественных структур приводит к формированию технократической мировоззренческой модели. Построение социума на технологическом фундаменте определяет необходимость рационализации системы управления и повышенное внимание к социальной роли технических специалистов как объективных носителей технической рациональности.

Создание крупной механизированной промышленности приводит к существенному увеличению численности инженеров, а уникальная роль индустриального производства в обществе определяет новый набор функциональных возможностей технических специалистов в структуре социального управления. Технологическое развитие оказывает существенное воздействие на характер изменения общества. Механизм перехода обще-

ственного устройства с традиционного уровня на индустриальный принято называть модернизацией, которая в широком смысле включает в себя все сферы социума. Организационно-технические параметры характеризуются технологическим аспектом теории модернизации. Таким образом, технократическая модель вполне может рассматриваться в русле модернизационно-технологической концепции.

Согласно данной концепции, общество в своем развитии проходит несколько этапов, каждый из которых характеризуется различным уровнем технологического развития. В частности, индустриальное общество, признакам которого наиболее соответствует состояние российской экономики периода 1930-х гг., характеризуется бурным развитием промышленности, возникновением новых отраслей производства, возрастанием объемов инвестиций в индустриальную сферу, повышением уровня урбанизации, увеличением доли квалифицированного труда, изменением структуры занятости. Частичное несовпадение российской социально-экономической реальности с описанной схемой объясняется, во-первых, тем, что наша страна в 1930-е гг. находилась в самом начале оформления индустриального общества, завершая переход от традиционно-аграрной стадии к промышленной, а, во-вторых, тем, что процессы технологического развития сопровождались эволюцией тоталитарной системы, которая резко снижала возможность саморазвития экономики. Тем не менее, объективные закономерности индустриального развития продолжали действовать, хотя и в искаженном виде.

Технологические процессы оказывают определяющее воздействие на развитие человеческой цивилизации, что особенно характерно для ее современного этапа. Под технологией в данном случае понимается сложноорганизованная система, состоящая из производственной, управленческой, информационной подсистем, связанных между собой ментальными процессами. Невозможно рассматривать индустриальное развитие как самодостаточный фактор эволюции общества. Любая технология является результатом целеориентированной деятельности человека, поэтому технологические процессы необходимо анализировать, учитывая социально-экономические, экологические и психологические последствия индустриального развития. Это относится и к формированию промышленного комплекса на Урале. Технократический социальный слой выступал своеобразным ментальным базисом этого процесса.

Рассматривая технократию как реально существующий слой технических специалистов, необходимо уточнить некоторые социальные параметры. Основатель западного технократизма Т. Веблен строит свою концепцию на допущении о том, что современное общество, базирующееся на индустрии,

не может существовать без технических специалистов, так как только они могут обеспечить эффективную работу индустриального комплекса. При всем рационализме данного подхода следует признать, что выводы Т. Веблена о возможности создания централизованной организации технических советов и замены политических структур технократическими являются утопическими.

Анализируя технократическую концепцию, необходимо указать на два принципиально различных акцента. В рамках нормативной социологии большее внимание уделяется футуристическому прогнозу, разработке идеально структурированного иерархического общества, в котором технократия занимает приоритетное положение, что создает основу для трансформации технократической модели в одну из концепций элиты. Позитивная социология характеризует прежде всего набор социальных функций, определяющих реальный социальный статус технических специалистов. В рамках такого подхода термин «технократия» не выходит за пределы уровня социальной стратификации и, следовательно, не рассматривается возможная элитарная или властная составляющая данного явления.

Подобная констатация реального положения вещей отчасти свойственна концепции Дж. Гэлбрейта, который для анализа социального положения технических специалистов применяет новый семантический инструмент – «техноструктуру». Этим понятием Дж. Гэлбрейт обозначает слой людей, владеющих специальным знанием и имеющих отношение к индустриальной системе и управленческим структурам.

В конкретно-историческом исследовании вполне можно использовать социально-стратификационный аспект технократической модели. Восприятие технократии как особой самостоятельной социальной группы, обладающей уникальными социальными функциями и самоидентификацией, позволит избежать в процессе ее анализа использования еще более специфичной и противоречивой категории – «интеллигенция». Исследователь В.Ф. Кормер справедливо отмечал: «Мы во многом узурпировали понятие «интеллигенция», распространив его на не подлежащие ему области. У нас говорят «советская интеллигенция», «техническая интеллигенция», «творческая интеллигенция»... Это наименование присваивается ныне всему без разбора образованному слою, всем, кто занимается умственным, не ручным трудом».

Термин «интеллигенция» имеет скорее духовно-нравственный, даже экзистенциальный оттенок. Его применение в социальном анализе сопрягается с необходимостью концептуального толкования различных аспектов и выделения нужного смысла. Интерпретационная путаница становится осо-

бенно заметной в процессе характеристики отношений технических специалистов и власти. Сущностным признаком интеллигенции принято считать ее оппозиционность власти. И хотя интеллигенция не всегда идентифицирует себя с оппозицией, эта роль является для нее наиболее характерной. Оппозиционная ролевая функция интеллигенции стала фундаментом социального стереотипа по отношению к интеллигенции. Примечательно, что власть также охотно воспринимает данный стереотип и старается в этих рамках выстраивать модель своего поведения.

Социальная функциональность технократии (технических специалистов), как правило, исключает политическую оппозиционность. Тем более технократии не свойственна «экзистенциальная» оппозиционность, определяющая параметры всего существования. Но в условиях тоталитарного общества пассивность технократической лояльности, отсутствие ее фанатичной демонстрации рассматривается властью как угроза.

Еще одним важным аспектом технократической концепции является разграничение ее социально-институциональной и социально-когнитивной сторон. Социально-институциональный уровень технократизма включает в себя восприятие технократии как социальной группы, о чем уже было сказано выше. Социально-когнитивный уровень характеризует процесс формирования особого типа мышления и модели общественного сознания. В рамках данного уровня необходимо также выделять процесс социальной самоидентификации технократии. Анализ отечественной социальной истории 1930-х гг. позволяет выделить следующие объединяющие социальные факторы технократии: производственная детерминация, то есть включенность на разных уровнях в единый производственно-технологический процесс; объективация технократии представителями других социальных групп, в частности, рабочими (в том числе в негативном смысле на субъективном уровне, что выражалось в тезисной характеристике «инженеры – новая буржуазия»); характер отношений тоталитарной власти – формально-идеологическое объединение технократии в категорию «инженерно-технических работников», с одной стороны, и политические репрессии представителей данной социальной группы, с другой стороны. Проблема «классового сознания» технократии анализировалась и Т. Вебленом, который указывал на объективное изменение положения технических специалистов в индустриальной системе. Технократическое сознание макросоциального уровня представляет собой совершенно особую форму общественного сознания, отражающую возможность общества продуцировать и воспринимать технократические решения. В данном случае технократизм приобретает характер социального программирования на основе научно-технической экспертизы, что выходит за пределы обозначенной выше проблематики.

Подводя промежуточные итоги, можно определить структурные и методологические признаки технократии как объекта конкретно-исторического исследования. Во-первых, технократия – это реально существующий социальный слой технических специалистов. В профессиональном отношении в состав технократии могут быть включены инженеры, техники, практики (работники без специального образования, выполнявшие на производстве функции инженеров и техников), руководители промышленных предприятий, трестов и объединений. Во-вторых, данная социальная группа обладает самостоятельным сознанием, позволяющим идентифицировать технократию и локализовать ее в социальной структуре. В-третьих, технократия является носителем объективной рациональности, что, с одной стороны, создает основу политической лояльности технических специалистов, а, с другой стороны, определяет возможность использования технократии и технократических средств в тоталитарной системе.

Сужая рамки предмета исследования в региональном и хронологическом отношении, необходимо остановиться на некоторых особенностях уральской технократии. Рассматривая развитие Урала в рамках модернизационно-технологической концепции, особое внимание следует уделить процессу индустриализации, одним из результатов которого стало оформление промышленного комплекса с ярко выраженной акцентуацией на развитие высококвалифицированных производств. В течение 1930-х гг. тяжелая промышленность становится экономическим фундаментом Урала, определяя при этом параметры социального структурирования региона. Форсированная промышленная модернизация привела к активизации урбанистических процессов на Урале. В 1930-е гг. индустриальные центры и города начинают постепенно определять «социальное лицо» региона.

Технократия становилась одной из ключевых социальных групп Уральского региона. Развитие промышленности Урала и характер интенсивности технологической модернизации в значительной степени определялись параметрами оформления технократии. Специфика проблемы состоит в том, что в 1930-е гг. уральская технократия оказалась на переломе своего формирования, что определялось и внешними факторами изменения социальной структуры общества, и внутренними факторами, отражающими региональную специфику.

К концу 1920-х гг. представители данной социально-профессиональной группы являлись носителями определенного типа производственной культуры, способствовали повышению производственной культуры в уральской промышленности, созданию на Урале научно-технических центров, которые занимались бы не только подготовкой инженерных кадров с учетом осо-

бенностей регионального производства, но и обобщением интеллектуальной деятельности инженеров с последующим внедрением ее результатов в конкретные технологические циклы. Так называемые «буржуазные специалисты», воспитанные дореволюционной инженерной школой, представляли собой технократию особого рода. В некотором смысле их ролевая функция в индустриальной системе Урала может быть определена как экспертократия. Универсализм и фундаментальность технического знания этих специалистов использовались в качестве основы научно-технической экспертизы которую проходили не только технологические, но и экономические решения.

Начало 1930-х гг. привносит в процесс оформления уральской технократии новые признаки, характеризующиеся постепенным замещением «старых» инженеров представителями советской инженерной школы, что символизировало смену представлений о функциях инженера на производстве. Существенно возросла утилитаризация технократической функциональности. Вместе с тем невостребованным оказался творческий потенциал новых технократов. Тоталитарное общество 1930-х гг. внешне представляло собой почти идеал технократической системы: жесткая социальная иерархия, технические приоритеты в экономике, функциональное отношение к человеку как элементу механизма, комплектование управленческих звеньев по большей части из числа технических специалистов, технический контроль над обществом. Однако несмотря на аналогии с технократизмом, советское общество 1930-х гг. не стало ни «властью технических экспертов», ни «технократическим социализмом», что отразилось на процессе создания «советской технократии».

Новая технократия в начале своего формирования на Урале представляла собой слой специалистов, искусственно объединенных властью по внешним формальным признакам (социальное происхождение, политическая ориентация, принадлежность к советской технической школе) в единую группу, противопоставляемую «старым» инженерам. По мере роста уральского инженерного корпуса «советские» специалисты начинали играть все более заметную роль в формировании промышленного комплекса, оказываясь по большей части на ведущих командных постах.

Процесс самосознания уральской технократии получил новый импульс в середине 1930-х гг., когда объектами политического преследования со стороны тоталитарной власти стали не только «старые» инженеры, но и «советские» специалисты. Популярные на рубеже 1920—1930-х гг. обвинения «буржуазных» инженеров и техников в саботаже и противостоянии советской власти были закономерным продолжением политики классовой борьбы.

Считалось, что подобные действия «старых» специалистов являлись издержками «буржуазного» типа культуры. В качестве контрмеры была предложена идея создания «своего» инженерного корпуса, который в силу нового воспитания и «рабочего» происхождения окажется преданным советской власти.

Во второй половине 1930-х гг. тоталитарная власть стала бороться с «преступниками» из числа советских специалистов, что стало одним из факторов активизации процесса самосознания технократии. Формирование уральской технократии должно было осуществляться на основе органичного соединения традиционных черт уральского инженерного корпуса и новых социальных, культурных и ментальных качеств.

В 1930-е гг. данная интеграция происходила в экстраординарных условиях. Модернизационно-технологические процессы в этот период носили, по сути, революционный характер. Стремительно менялись не только параметры технического и экономического уровней, но и факторы социально-культурного развития. В стабильно развивающихся обществах взаимопереход традиционности и новаторства в любой сфере осуществляется, как правило, поступательно, эволюционно и потому растягивается на десятилетия. Для нашей страны и, в частности, для Уральского региона этот процесс был искусственно сжат до нескольких лет и при этом сопровождался массовой репрессивной практикой. На оформление уральской технократии это оказало непосредственное воздействие, о чем свидетельствуют, во-первых, массивная концентрация инженерно-технических сил в регионе и одновременно с этим стремительный характер процесса подготовки новых инженерных кадров, а, во-вторых, широкомасштабные политические репрессии уральских специалистов.

Тоталитарная власть предложила особую модель интеграции традиций и новаций. На макросоциальном уровне «старые» специалисты должны были стать частью нового слоя советской технократии. Это означало, что «буржуазные» инженеры должны были пересмотреть свое отношение к Советской власти и стать «советскими» инженерами. Подобная социальная метаморфоза рассматривалась тоталитарным режимом в качестве единственной «несиловой» возможности сформировать монолитную социальную структуру. Данный процесс находил свое идеологическое обоснование в виде тезиса о создании «социалистической народной интеллигенции». Стоит отметить, что в тоталитарной модели социальной стратификации категория «интеллигенция» использовалась без каких-либо теоретических оснований, лишь в качестве условной идеологической единицы, используемой для обобщения социальных групп «непролетарского» и «некрестьянского» происхождения.

Реальное положение несколько отличалось от теоретико-идеологической схемы. В рамках формирования технократической социально-профессиональной группы (микросоциальный уровень) происходило два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, «буржуазные» специалисты включались в состав «советской» технократии и становились носителями ее свойств (большая мобильность, практицизм, меньшая инициативность и т.д.), а, с другой стороны, передавали некоторые качества традиционной технической школы (фундаментальные теоретические знания, инженерный универсализм, высокий профессионализм и т.д.) представителям новой технократии.

Анализ процесса становления уральской технократии как особой социально-профессиональной группы сопряжен с необходимостью осуществления количественной локализации данной группы и рассмотрения факторов социального, профессионального и отраслевого структурирования; изучения ее качественного состава и условий повышения профессионального уровня; описания социального положения технократии Урала в общей системе социальных отношений. Эта задача вполне решается на модернизационно-технологической методологической основе. Использование технологической составляющей модернизации в социальном анализе технократии позволяет достаточно корректно выделить проблематику, наиболее адекватно отражающую реальный характер технократического процесса на Урале.

ТРИФОНОВ А.Н. (Екатеринбург)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА УРАЛЕ В 1943—1945 ГГ.

С 1943 г. начинается некоторый подъем производства предметов потребления, потому что, во-первых, стали функционировать предприятия легкой и пищевой промышленности, эвакуированные в восточные районы; во-вторых, были расширены некоторые ранее действовавшие в этих районах предприятия; в-третьих, расширилась сельскохозяйственная база. Это позволило в 1943 г. по сравнению с 1942 г. увеличить рыночные фонды некоторых продовольственных товаров (в %): рыбопродуктов — на 25%, мясопродуктов — на 40, жиров — на 24, чая — на 36. Однако по большинству товаров рыночные фонды продолжали оставаться на том же уровне, что и в 1942 г.

Рост продовольственных ресурсов в 1943 г. позволил увеличить рыночные фонды для уральских областей. Это видно из Таблицы 1. В течение 1943 г. по большинству продуктов фонды увеличились, в том числе весьма существенно